

Свой привычный маршрут урезав,
Выбирая кратчайший путь,
Вырывал он последним рейсом,
Чьи-то судьбы из вражьих пут.
Плыл «Ташкент», миноносец эскадры,
Оставлял Севастополь блокадный,
На корме под торпедным обстрелом
На полотнах девчонка сидела.
В рюкзаке только спички да мыло,
Это мама распределила.
Папа туго набил ей карманы
Папиросами разных марок.
Помнил он, как еще при белых
Папирос было не найти,
А курить и тогда хотелось,
В этот раз решил запастись.
А на девочку, обессилев,
Смотрят раненые с носилок.
Свежий шрам под щетиной грубой,
«Закурить бы», – шепнули губы.
Хоть боялась отцовского гнева,
Папиросы рукою несмелой
Положила на грудь солдату
С кровоточащей раной рядом.
Было в жизни потом немало
У девочки счастливых дат,
Все она их воспринимала
Благодарностью тех солдат.
Волны в бурю морскую скомкав,
Рвались бомбы и тут, и там,
Непрерывный фонтан осколков
Брызгал смертью по всем бортам.
Взрыв ворвался в семью расколом –
Мать, сестра, брат остались там,
Выжил только отец: осколок
В сантиметре от сердца встал.

Плыл «Ташкент», миноносец эскадры,
Покидал Севастополь блокадный,
На корме под немецким обстрелом
На полотнах девчонка сидела.
На полотнах была панорама,
А девочкой была моя Мама.

ПРАВДА

По бескрайним косогорам земли,
По полям, среди холмов и равнин
Пилигримы-правдолюбцы брели
И искали всюду Правду они.

И в хоромах, и среди ветхих лавут,
Путь неблизкий был вешадно тернист.
Испытания не всем по плечу,
Лишь один из них был неутомим.

Измощен он был уже, еле жив,
Ноги столпаны, клонило ко сну,
А когда дошел до самой глуши,
То увидел там калеку одну.

«Может быть, ты, странник, ищешь, мени?»
«Не тебя, старуха, Правду ищущу».
И в ответ, сухие губы кривя,
Посмотрела сквозь ехидный прищур:

«Вот как встретиться-то нам довелось».
Все в морщинах, неопрятна, груба.
Шапка спутанных немых волос,
Линкай пот струится с низкого лба.

От увиденного сник пилигрим,
Только скрыть свой ужас не было сил,
Поддав в груди отчаянья крик,
Уходя, у Правды тихо спросил:

«О тебе что рассказать смогу им,
Тем, кто так и не добрался сюда?»
И услышал себе вслед пилигрим:
«Я красива, скажи, и молода».

НАЧНЕМ С КОНЦА

Мы идем по жизни твердо и с песней,
Продвигаемся вперед без оглядки.
Но представь, как было б всё интересней,
Если б жизнь текла в обратном порядке.
Начинается всё с шумного пира,
В твою честь звучат хвалебные тосты;
Ты же смотришь из загробного мира,
Как торжественно прожорливы гости.

А потом тебя в гробу деревянном
Работяги из земли вынимают,
Люди в черном, как Цари-Несмеяны,
Вносят в зал, под твоим весом хромая.
Ты старик, но с каждым днем молодеешь,
Лечишь печень, нервный тик и простату;
Правда, с пенсии не разбогатеешь –
Нет у сил уже пахать за зарплату.

Шестидесят тебе, пора на работу:
Нет квартиры, чтобы сдать, нет наследства;
А энергия растёт год от года,
К апогею приближается в детстве.
Твоя должность всё становится ниже,
Пофигизм и опыт медленно тают –
Результат корпоративных интрижек,
Ты по лестнице карьерной слетаешь.

А на лысине растёт шевелюра,
Седина все незаметней и реже,
Уменьшается живот, хоть к фигуре
Ты относишься ленивей, небрежней.
К небезвредным удовольствиям жизни
Интерес ты проявляешь всё чаще,
Алкоголь всё крепче, качеством ниже,
В сигаретах больше смол, кофе слаще.

Переходит импотенция в стойкость,
Наследия на всех этапах и веках,
Кобелиный век закончив достойно,
Растворяется в невинных утехах.
Завершив работу, ты переходил
К золотой поре прогулов занятий;
Уменьшаются доходы-расходы,
Чувства искреннее, крепче объятья.

А затем ты после детского сада
Втихоря от всех играешь в страшилки.
А от ланиного грозного взгляда
У тебя уже трясутся поджилки.
Девять месяцев потом ты фривольно
Мирно плаваешь в уютнейшей жиже,
Ты вниманьем окружен и любовью,
Сыт, напоен, теплотой не обижен.

На УЗИ на черно-белом экране
Ищут орган у тебя без смущенья,
Тычут датчиком с излишним стараньем,
Чтобы цвет коляски знать до рожденья.
Так спокойно ты свой путь завершаешь
Под журчащие в кишечнике газы,
В ритме сердца с каждым днем уменьшаясь,
И кончается все бурным оргазмом.

